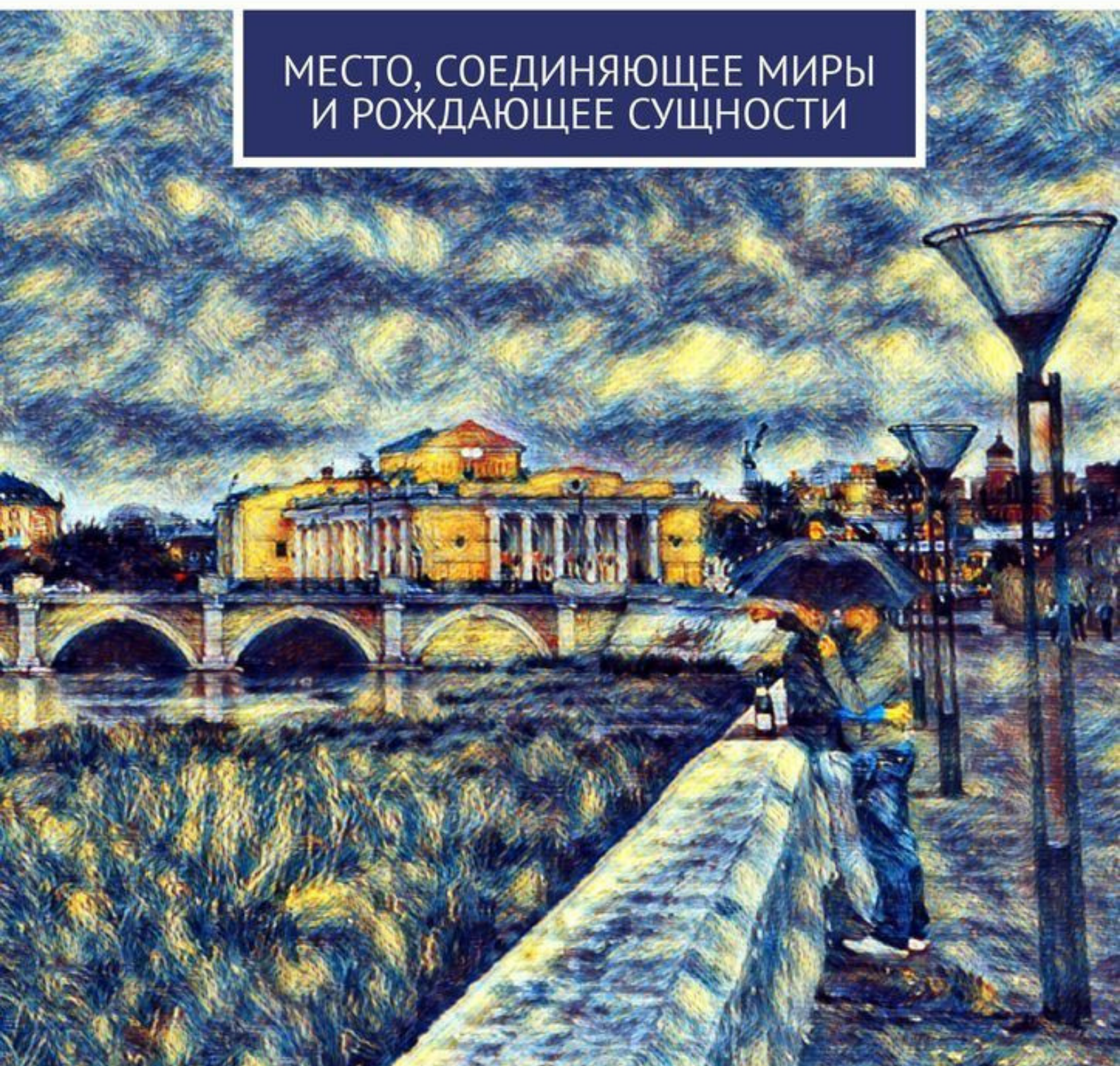

18+

КРИСТИНА СТАВРОС

Там, где Челябинск

МЕСТО, СОЕДИНЯЮЩЕЕ МИРЫ
И РОЖДАЮЩЕЕ СУЩНОСТИ

Кристина Ставрос

**Там, где Челябинск.
Место, соединяющее миры
и рождающее сущности**

«Издательские решения»

Ставрос К.

Там, где Челябинск. Место, соединяющее миры и рождающее сущности / К. Ставрос — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982453-0

Эта история о городе, в котором люди сосуществуют вместе с другими обитателями и зачастую даже не представляют насколько сильно духи влияют на жизнь горожан. Это настоящая история Челябинска, здесь ничего не придумано, начиная от основания города и заканчивая падением метеорита. Но история города рассказана не только от имени людей. Мегполис, построенный на стыке двух плит, Европы и Азии, обречен на жизнь необыкновенную. Челябинск, город, которого не должно было быть, набирает свою мощь...

ISBN 978-5-44-982453-0

© Ставрос К.
© Издательские решения

Там, где Челябинск Место, соединяющее миры и рождающее сущности

Кристина Ставрос

© Кристина Ставрос, 2020

ISBN 978-5-4498-2453-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Беглый крестьянин Сашка Кривой ушел за горы Земного пояса в поисках лучшей доли. Но что-то счастья так и не нашел. Подходила к концу осень, запасы взятой с собой еды закончились, людей в этих краях не было, а были только холод, мрак, голод и близкая смерть, неустанно бредущая за ним по пятам. На берегу безвестной речки он упал без сил. Дальше идти было некуда, да и незачем. Немного отдохнув, он достал из-за кушака топор и начал строить дом, благо леса вокруг было вдоволь. Намахавшись за день, провалился в глубокий сон. Морок был настолько силен, что Сашка не сразу понял, что это ему снится. На берегу речки сидел старик с седой бородой и кормил с руки веселых голеньких русалок, плескавшихся у его ног, как будто большие серебристые карпы.

– Плохое место ты выбрал, Александр Никанорыч, – обратился к нему старец. – Гиблое. Не надо тут строить ничего, уходи.

– Не дойти мне уже никуда, дедушко, – Сашка приподнялся на локте, и русалки прыснули, без следа исчезнув в глубине холодной воды.

– Вот не зря твоего прадеда Кривым прозвали, – дед был не доволен ответом, – и ты туда же, ничего толком сделать не можешь. Тебе и так и так жизни не будет.

Он достал две лозы и они, как живые, закрутились у него в руках.

– Видишь, разлом тут земной, трещина. Две земли в одну сходятся. Два мира. Нечего здесь людям делать.

– Не гони меня, дедушко, – взмолился Сашка, – замерзну ведь, и похоронить некому будет.

– Лучшей доли хотел для тебя, парнишка, но, видать, судьба у тебя другая, – вздохнул старик и пропал.

Сашка почувствовал, как ему на лицо опустилось что-то холодное. Он открыл глаза и понял, что это – снег. Его, спящего, заметало первой вьюгой. Парень вскочил и запрыгал на месте, разгоняя кровь, захлопал рукавицами, заухал как филин. В ответ из глубины леса ему тоже кто-то заухал. Сашка притих и потянулся за краденым ружьишком. Патрона оставалось всего два, и Сашка берег их как зеницу ока. Лес неожиданно заскрипел и закачался, как будто на него налетел ветер, но вокруг не было ни дуновения. Тихо. Слишком тихо. Сердце у него зашлось, ладони вспотели, ноги ослабли. Несмотря на холод, из-под шапки на лицо потекли горячие струйки пота, а волосы стали совсем мокрые.

– Господи благослови! – Сашка неистово трижды перекрестился, поплевал через левое плечо и очертил вокруг себя по снегу круг. – Сгинь, нечистая сила!

Из леса раздался смех. А может быть, это филин так ответил ему, Сашка не понял. Вдруг земля вокруг закачалась, разверзлась, и оттуда вверх полетел маленький смерч, закручивая по спирали снежинки вокруг себя. А вслед за ним из-под земли с воем и грохотом хлынул белесый туман, заливая ледяным молоком все вокруг.

– Господи Иисусе! – Сашка не на шутку испугался.

Маленький вихрь подлетел к нему и облетел три раза. Казалось, он не смеет перейти очерченного Сашкой круга.

– Матушка Пресвятая Богородица, спаси, сохрани и помилуй меня! – зашептал и закрестился Сашка, отгоняя смерч.

Вихрь, как будто испугавшись, взмыл вверх, закручивая за собой в вышине белый туман. Сашка облегченно выдохнул, найдя верное заветное оружие для борьбы с неведомым врагом, и продолжил наблюдать за уходящим ввысь потоком. Но вдруг движение замедлилось, и туман снежной лавиной понесся прямо на орущего от ужаса Сашку, забивая снегом как будто холодным и влажным тополиным пухом открытый рот, вылупленные глаза, дырки носа, ушные впадины, наполняя собой и навечно остужая пылающие перед смертью внутренности.

Алия была прекрасна. Не было в ее деревне краше девушки. Отец воспитал ее в покорности и благочестии, любой жених будет рад взять такую жену, которая народит ему сильных и здоровых сыновей и таких же пригожих, черноглазых дочерей. И лишь Алия знала, что ничего этого не будет. Нет у нее выбора. Она в последний раз ночует в родном доме, а наутро уйдет, куда глаза глядят. Куда идти Алия не знала. Отец пустит погоню, но она не боялась быть затравленной охотничьими собаками. Скорее, этого ждала. Как ей жить дальше, она не понимала. Ребенок, чье сердце уже стучало в ее утробе, был ей ненавистен. Она не знала, кто его отец и не могла рассказать обо всем родителям, боясь навлечь на них кару. Алия уходила, отводя беду от своей семьи. А ведь говорила ей бабушка: «Не ходи одна к реке, береги себя, слишком уж ты красива». Так нет, Алия была в себе уверена: кто посмеет прикоснуться к ней, зная, кто ее отец и братья? Это же верная смерть!

В тот теплый день в середине лета, она уехала объезжать молодую кобылу Альмиру. Им, сильным и свободолюбивым, было по душе скакать наперегонки с ветром, наслаждаясь опьяняющим запахом цветущей степи. За целый день скачки они далеко уехали от родных гор. Притомившись, Алия решила искупаться и напоить лошадь. Река Улутуп была небыстрой, чистой и неглубокой, лошадь пила воду жадно и шумно. Девушка оставила норовистую кобылку пастись у дерева и вошла в теплую, ласковую воду. Ноги приятно щекотал мелкий золотистый песок. За горизонт садилось солнце. Вымывшись, Алия легла в воду у берега. Она смотрела в синее закатное небо, отдыхая перед обратной дорогой. И вдруг ей показалось, что она не одна на берегу. Она собралась, привстала из воды, но, не услышав ни звука, вновь расслабилась и погрузилась в прозрачную влагу. Вокруг нее заплясал вечерний ветерок, охлаждая и щекотя, а расслабленные ноги окутали водоросли. Алие стало беспокойно, и она вновь приподнялась, вставая. Вода не отпустила ее, затягивая водорослями вглубь.

– Эльмира! – закричала девушка, призывая кобылу на помощь, но бестолкова молодая лошадка, не поняла, что нужно ее хозяйке и только вопросительно скосила на Алию темный недобрый глаз.

Алия забила руками по воде, пытаясь выпутать ноги. Ей казалось, что кто-то крепко держит ее руками, но кроме плавучей зелени не видела в глубине ничего. Ноги еще глубже скользнули в воду, в водоросли, песок и вязкую глину, и Алия на мгновение ушла под воду, от неожиданности вдохнув влагу носом. Почувствовав в глотке и легких воду и песок, захлебнувшись и закашлявшись, она испугалась не на шутку. Кричать было бесполезно, поэтому девушка боролась молча, стараясь выбраться из обманчивой реки. И вдруг в самый разгар схватки она почувствовала между ног непонятную щекотку. Ощущение было настолько сильным, что она перестала сопротивляться и замерла. Между ног разгоралось пламя. Никогда еще Алие не приходилось испытывать таких сильных чувств. Огонь переместился внутрь нее,

девушка инстинктивно сжала бедра, но это не помогло. На ладонь ниже пупка внутри нее бушевал пожар. Все ее тело ныло и скрючивало, ей не хватало воздуха, глаза закатились, тело выгнулось и, умирая, Алия закричала, хватая воду руками. Темнеющий лес ответил похожим криком, усиленным эхом, и все прекратилось.

Алия пришла в себя там же, у берега. Вода остывала, было холодно и почти темно. Она села, ноги ее больше никто не держал. Девушка опустила руку в промежность, там было склизко и неприятно. С трудом отмывшись, она вышла на берег и оделась.

С тех пор ее как будто подменили. Везде она искала тех сильных ощущений, которые испытала на берегу Улутупа. Но местные ребята не могли подарить ей такого потрясения. Алия замкнулась, сосредоточилась на себе, навсегда потеряв девичью легкость, смешливость и задор искрящихся глаз.

Испугавшись изменившегося состояния дочери, отец решил выдать ее поскорее замуж. Но при первой же попытке посватать ее, в доме стали происходить странные вещи. Появлялся ветерок, который уносил с собой жизнь одного из близких. После первого жениха умерла бабушка, и свадьбу отменили до лучших времен. Но пришел второй жених, и наутро не проснулся младший брат Алии.

Горе иссушило родных. Но после третьего сватовства не стало у семьи матери. Необъяснимые смерти напугали село. Люди стали чураться проклятого рода и странной невесты. Женщины обходили зачарованную красавицу стороной, плевали в след, дети дразнили и убежали, едва только Алия поднимала на них свое теперь вечно нахмуренное лицо. Сестры Алии потеряли надежду выйти замуж, а братья почти каждый день дрались, защищая честь семьи. Казалось, уже никто не видел ее неземной красоты, только страх и отвращение испытывали люди. И только Алия понимала, что все дело в том, что кто-то, живущий в Улутупе, не хочет, чтобы ее выдали замуж. Иногда ей казалось, что темный лес на берегу реки стонет и зовет ее, посылая вездесущих озорных ветерков. А еще через пару месяцев она поняла, что тяжела.

Этой ночью Алия решила уйти. Только так она могла дать своей семье шанс быть счастливой. Когда ее растущий живот заметят окружающие, они забьют ее камнями, и семья будет навсегда проклята. Сестры состарятся одинокими, братьям будет не найти в селе невесту. Темной ночью девушка встала и вышла на улицу, захватив узел с самым необходимым. Она тихонько притворила дверь, и два маленьких вихря заплясали у ее ног, подгоняя и поторапливая. Полная луна над домом была такой большой и ослепительной, что ее свет заливал поля и долины белым непрозрачным туманом. Алия больше ничего не боялась. Она шла два дня, пока не пришла к берегу Улутупа. Здесь было холодно и бесприютно. Неподалеку в лесу она увидела недостроенный дом. Алия взялась за работу. Она и сама не знала, как ей удалось его достроить. Поднимать тяжелые бревна ей помогали холодные ветры, а ночевала она в белом тумане, проваливаясь в него, как в теплый и вязкий кисель. По ночам ей снился неуклюжий вихрастый парень. Он говорил ей, что лучше замерзнуть, чем остаться здесь.

Старый дом на берегу реки сразу привлек внимание казаков.

– Братцы, тут кто-то живет! Вот к нему на постой и встанем. И крепость построим, чтобы в Оренбург ездить удобно было.

Казаки под управлением полковника Алексея Тевкелева, уже который месяц слонялись по Земному поясу, безжалостно вырезая восставшее башкирское население, и основывая на их земле крепости.

На порог замшелой избушки вышла старая башкирка с длинными седыми косами. Даже в таком возрасте она была необыкновенно хороша. Недобро посмотрев на служивых, вернулась в избу и закрыла за собой дверь.

– Чертова баба, – выругался Ерофеич, – явно ведьмачка. Не пустит Алексея Ивановича на постой.

– Да и черт с ней. Выгоним ее, и станет лагерем вокруг, – отозвался молодой Ванятка Грязнов. – Одной ведьмачкой больше, одной меньше.

– Я не пойду к ней, – Ерофеич перекрестился.

– От не знал я, что ты, Ерофеич, бабой стал! Башкирки старой испугался, – засмеялся Ванятка, – а когда детишек ихних узкоглазых нагайкой лупцевал, а отцам бороды вырывал, ворожеек местных не боялся? Надо было, друг мой, перекреститься трижды поплевать, пока шаровары ихним бабам сдирал!

Ванятка ногой пнул дверь избушки. И замер. У печи стояла юная необыкновенная красавица.

– Здравствуй, хозяйюшка, – сально заулыбался Ванятка, оживившись, – Расскажи-ка, что за место тут и как тебя звать-величать?

Спросил, особо не ожидая ответа. Башкиры мало знали русский.

– Место называют Александровской слободкой, что у Челябинского урочища, а зовут меня Кадима, Иван Никифорович, – неожиданно заговорила девушка, поклонившись, – заходи, гость дорогой.

– Ничего себе, разведка уже и имя мое донесла? – удивился Ванятка, ощутив приятное возбуждение. Мысленно он уже положил девчонку на лавку, срывая с нее вышитые цветные одежды.

– А бабка где? – плотоядно обернулся он по сторонам.

– Матушка моя, достопочтенная Алия велела звать господина полковника к обеду, да шепнуть ему на ушко, что, мол, прошу пожаловать, дорогой Кутлу Мухаммед!

– Ты че несешь, какой Мухаммед?

– А это дело не твое. Ты послание матушкино передай, а то всем вам худо будет! – Кадима остановила на Ванятке застывший горящий взгляд черных глаз, и на него вдруг навалился неожиданный животный страх. Он смотрел на красивое лицо Кадимы и видел только смерть: страшную, уродливую личину злобной старухи с трясущейся головой.

– Спасибо, на добром слове, передам, – с трудом поднявшись, он пошел к порогу. Возбуждение пропало, тело ломило как после простуды.

Выйдя на улицу, он начал блевать, вместе с содержимым желудка выбрасывая из себя омерзение, страх и видение жуткой старухи.

– У меня больше никогда на местных девок не встанет, – угрюмо сказал он изумленным товарищам, отблевавшись, и вытерев рот рукой, – дай бог, чтобы вообще встал.

Полковник Алексей Тевкелев вздрогнул, услышав донесение Грязнова. Оттолкнув казака, он пружинистым шагом направился к избушке.

Старуха что-то толкла пестиком в ступке.

– Откуда меня знаешь? – татарского мурзу, нареченного Кутлу Мухаммеда, много лет назад перекрещенного в Алексея Ивановича, уже давно никто не называл родовым именем.

– Здравствуй, сын отца своего! – усмехнулась старуха, – слава о тебе далеко впереди тебя бежит. Не зря тебя киргиз-кайсаки считают человеком божественным. Только бог твой особый. Недоброй силой ты одарен от рода своего. Знаю, любишь смерть, лишь она радует тебя, меняя твое вечно мрачное настроение. Каково, Кутлу Мухаммед, когда ребенок кричит, извивается, пригвожденный штыком к земле? Сладко?

– Сладко, – усмехнулся Тевкелев. – Но я же не по собственному почину убиваю, от врагов землю русскую очищаю.

– Земля эта русской никогда не была, – старуха отложила свою работу, – и никогда бы русской не стала, если бы не ты, темный князь татарский, черная душа. Еще не поздно все исправить. Уходи отсюда и уводи своих служивых, и земля сможет очиститься.

– Я ее очищу штыком и огнем! Все будет здесь царицыно! И все будет мое! – Тевкелев угрожающе прищурился.

Старуха засмеялась и запела заунывную песню:

Наш край полковник Тевкелев палил,
Долины Ак-Идели выжег он.
Ему за то, что он сжигал башкир,
Возвысят, золота подарят полный дом.
Покрыв лицо утеса черный лес,
Под ветром он ревет порой ночной.
Слова проклятья врезал я в скалу,
Пускай же их прочтет потомок мой.

– Я не боюсь твоих песен, – усмехнулся полковник.

– Песня не моя, – покачала головой старуха, – тебя проклял народ. Но это не имеет значения. Ты будешь жить богато и счастливо, все блага мира будут у тебя! Но чтобы проклятие не сбылось, уходи от этого урочища. Здесь не должно быть людей. Тут чужая черта. Граница. Пролом. Вход и выход. Ты не поймешь всего, но услышь лишь одно: в этом месте не должны жить люди. Найдите себе для крепости другое место.

– А мне нравится урочище Челяби, – засмеялся полковник. – Не зря вы называете его величественным! Выгодное место, сосновый лес, чистая река, как ее вы называете – Миасс или Улутуп? Мне так больше нравится Миасс! А какая в ней вода вкусная! Сроду такой не пил!

– Оно величественное, потому что тут происходят великие дела, скрытые от людей. Великие сущности рождаются на свет и погибают. Здесь ворота для иных, людям тут не место. Если не послушаешь моих слов, сын твой единородный, единственный наследник Юсуп Кутлу Мамет погибнет от рук казака твоего.

– Я вырву твой мерзкий язык! – вскипела горячая кровь мурзы, – Забери свои слова назад!

– Мне не страшно умереть, – старуха подперла рукой голову и глянула на него удивительно молодыми, озорными глазами, – я сторожу это место живой, буду охранять и мертвой. Сашка меня уже давно заждался.

– Будь ты проклята, старая карга, гори в своем аду! – в неистовстве закричал Алексей Иванович, с размаху впечатав легкую бабку в стоящую рядом печь. Ее ступка упала, жалостно зазвенев, и покатилась по кругу, рассыпая точеные травы. Они взвились вихрем вверх, застилая полковнику глаза.

– Взять ее! – закричал он, изо всех сил пиная скукожившееся, сухое старушечье тело и пытаясь проморгаться и очистить глаза. Казаки с трудом забрали старую башкирку у обезумевшего начальника.

Алия не кричала, когда испуганные казаки по приказу Тевкелева, схватили ее, привязав к дереву. Она даже почти улыбалась, когда ей, зажав клещами, наискосок отрезали язык, и изо рта полилась темная, густая кровь. Вокруг нее летал легкий вихрь, развевая ее седые распущенные волосы. От его дуновения уходила боль.

Полковник, с красными, воспаленными от трав глазами был невменяем.

– Тебе не больно, да? Ты дьявол, дьявол! – закричал он.

Тевкелев подбежал к старухе и стал плевать ей в лицо после каждой фразы:

– Ничего не сбудется! Все станет, как я хочу! Ну что, ответь мне! Не можешь? Чья сила взяла?

Казачи тайком крестились, видя такое непотребство. Казалось, сам демон вселился в беснующегося начальника.

Алия ответила бы, но смогла только засмеяться в ответ. Ее странный смех прозвучал как проклятие. У казаков пошел мороз по коже. В ответ лес заскрипел и закачался, и кто-то там далеко повторил страшные старухины звуки.

– Нет! – раздался неподалеку отчаянный женский крик, – Нет! Нет! Нет!

– Убьюуюую! – волком завыл кто-то и навзрыд зарыдал. Вокруг потемнело, похолодало, налетел ветер.

– Пугать меня вздумала, язва? – еще больше взъярился мурза. – Все равно будет по моему! Пустите ее по кругу!

Ерофеич подошел к ведьме с ножом и аккуратно, чтобы она не потеряла много крови, вспорол живот. Из раны достал кишку и, приколотив ее конец к дереву, заставил Алию идти по кругу, наматывая свою утробу на осину. Старуха тихонько побрела, стараясь не упасть, чтобы не увеличить и без того нестерпимую боль. Ноги заливало кровью, запах вокруг осины стоял нестерпимый. Шедший сзади Ванятка закрывал нос и подгонял ее штыком.

– Помогите мне, – взмолилась, наконец, она мысленно, уже теряя сознание. И на урочище посреди хмурого сентябрьского вечера опустился молочный непроглядный туман.

Васька всегда мечтал стать врачом. Он родился в небольшом селе в Киевской губернии, и сколько себя помнил, рвался помогать людям. Его отец, приходской священник, уверял, что лучшая помощь – божия, и добрым словом можно врачевать не хуже, чем острым скальпелем, но Васька его не слушал. Он жаждал спасти людские жизни, а не возжакаться с вечно заблудшими человеческими душами. Служение отца считал делом неблагодарным, бесполезным и оттого бессмысленным. Григорию Жуковскому ничего не оставалось делать, как помочь непутевому сыну. В 1784 году Васька Жуковский окончил медицинскую школу при Санкт-Петербургском сухопутном госпитале, получил звание подлекаря и, благодаря своим способностям и трудолюбию, остался служить в госпитале.

Там он подружился с таким же фанатиком своего дела, штабс-лекарем Степаном Семеновичем Андреевским. Их судьбы, казалось, были написаны под копирку, только сын священника Андреевский из местечка Салтыкова Девица не был столь своеволен и, по желанию отца, сначала окончил курс в Киевской духовной академии, прежде чем уйти служить лекарским учеником в Кронштадтский военный госпиталь.

Когда медицинская коллегия Сената предложила штабс-лекарю Андреевскому найти управу на «поветрие», уносящее жизни людей и животных в богом забытом уездном городишке Челябинске, он сразу согласился. Попросил только разрешить поехать с ним подлекарю Жуковскому. Просьба была удовлетворена.

В Челябинске столичных врачей поселили в большом доме на берегу реки.

Агафья, мать больных близнецов из дома рядом с лекарским, уже не плакала, а сипела, временами подвывая. Ее лицо было черным и жутким, в колеблющемся пламени свечи она была похожа на узкоглазую злобную старуху. Старинные образа над больными были темными и мрачными, как будто на них были не Богородица и Спаситель, а Смерть и Сатана.

– Проклятое место, зачем мы сюда приехали? Деточки мои, деточкииии! Угроздило же вас попасть под священный огонь! Почему он выжигает только нас? Шел бы вон, к соседям, перекинулся бы на Фомку-хромого, по нему плакать некому... Господи помилуй, господа, помилуй, господа, помилуй!

Васька, с ужасом разглядывающий огромные гнойные язвы на шее у лежащих в беспомощности безнадежных детей, взял себя в руки и деловито уточнил:

– Что за священный огонь?

Мать, уверенная, что молодой доктор абсолютно бесполезен, не ответила. Она продолжила плакать без слез и читать слова молитвы, время от времени неосмысленно касаясь назревающего на ее руке фурункула. Было видно, что он свербит и чешется, принося страдания, которых она в своем горе не замечала.

Темнота в доме Агафьи была густая и враждебная, свет от свечей не справлялся с ней. Казалось, весь воздух здесь напоен затхлостью, болезнью и смертью. Ваське неожиданно стало страшно и тяжело дышать.

– Болезнь так называют: «священный огонь», – пояснил, пождав губы приведенный врачей городничий, – люди и скот от нее буквально вспыхивают, как лучинки, и сгорают за пару дней без следа. Наказание божье за наши грехи...

– Не мелите ерунды, – лекарь Андреевский склонился над больными, – Бог никого не наказывает, тем более болезнью. Тут что-то другое, и мы это выясним.

– Что вы выясните? – вскинулась Агафья, – все из-за вас, дохтуров! Холера из-за вас и другие напасти! Зачем вы приехали? Детей моих забрать? А потом похоронить их без креста и имени и известкой засыпать? У меня мать так похоронили, она холерой болела. Сначала в барак холерный силой свезли, уморили там, а потом известкой засыпали! Даже оплакать не позволили! Не дам! Ничего вам не дам!

Бедную женщину пытались успокоить, но Агафья не слушала слов. Пришлось в спешке покинуть дом.

Столичные лекари отправились ужинать и советоваться.

– Я не верю, Василий, что этот город проклят, все это бабьи сказки, – рассуждал за едой Андреевский. – Болезнь почему-то цепляется за людей и быстро их сжирает. Что дает ей возможность переходить с одного на другого?

– Может быть прикосновения? – Васька встряхнул руки, как бы отгоняя от себя болезнь. – Или ветер.

– Может, и вода, и земля, – задумчиво протянул штабс-лекарь. – Где-то сидит древнее зло, а люди, подхватив его, передают друг другу. И вместо того, чтобы лечиться, молятся, что вообще без толку. Невидимое древнее проклятие... Где оно прячется?

Дверь резко растворилась, и с морозного воздуха в избу вошел взволнованный городничий.

– Померли! Варька и Сенька померли! Агафья с горя в полынью кинулась!

– Дура-баба, ведь и сама подхватила мор от детей, а сейчас весь город через воду переносит! – всколыхнулся Степан Семенович.

Они накинули тулупы и выскочили на мороз.

– Аааа, – голосила какая-то баба на реке. – Агафья, ведьма чертова, утянет теперь за собой!

– Что случилось? – подбежали к ней лекари и прохожие.

– Я за водой пришла, а сквозь полынью под тоненьким ледком на меня лицо смотрит. Черное, страшное, ухмыляется своим оскаленным мертвым ртом! Я и не сразу признала Агафью-то, – рассказывала баба собравшимся зевакам, – только закричала, а она тронулась и поплыла подо льдом, только волосы черные распущенные в полынье остались, на воде пока-

чивались, как дьявольские водоросли, а потом и они пропали. Не жить мне теперь, утянет за собой Агафья, ведьма проклятушая!

– Ничего с тобой не будет, перестань голосить. Все живы будем. Ну-ка тащите багры, будем ее в воде искать, – распорядился Степан Семенович, – а всем челябинцам отныне запрещаю на реке воду брать. Колодцы в городе есть?

– Есть, да вода в них не такая вкусная, – покачал головой городничий. – Не согласятся на это люди.

– А жить они согласятся или помереть хотят? Три дня запрет на воду из реки! Скажите людям, ведьма воду отравила. А если не найдем Агафью, так и дольше еще. Поставьте караул у полыньи.

Утопленницу вытянули, и каждый горожанин приходил взглянуть ей в лицо и плюнуть на покрытый ледяной коркой труп.

– Ну зачем же так глумится над мертвой? – воспротивился было Васька.

– Ни-ни, не лезьте, господин хороший, – остановил его городничий. – Люди так свое отношение к отравительнице выражают и себя от нее защищают. Вмешаетесь – порвут вас на мелкие кусочки, подумают, что вы с ведьмачкой заодно.

– Тогда давайте-ка в нашем доме комнату выделим. Покойническую. Мне для работы трупы умерших нужны, так что комната пригодится. Перенесем туда Агафью. А вы потом солдат нам отрядите, и мы ее со всеми предосторожностями похороним.

Так и сделали. Труп под проклятия горожан перенесли в дом, а ночью похоронили за городом, недалеко от реки.

– Место это огородите, будем тут от мора скончавшихся хоронить.

– Без отпевания? – испуганно перекрестился городничий.

– Почему же без отпевания, все, как положено. И Агафью отпойте заочно, никакая она не ведьма. Просто надо, чтобы кладбище было подальше от города. Да, и мертвую известкой засыпьте. Для дезинфекции.

– Господи, грехи наши тяжкие, – перекрестился еще раз в ужасе городничий. – Все знала бедная, так по ее словам и сделали.

Огромная белая луна лила свет на застывшее снежное поле и маленький скромный холмик земли над могилой Агафьи. Вслед за светом на землю опускался плотный белый туман. Сквозь него, казалось, просвечивал абрис старой женщины с длинными седыми косами.

– Души умерших приняли ее к себе, – перекрестился городничий и, глядя на подползающий к ногам туман, сделал шаг назад. – Уходить надо, а то и нас заберут.

– Ну что же вы тут в Челябинске все такие суеверные, – скептически покачал головой Андреевский.

– Жизнь учит, – философски тихо ответил городничий, – иначе духи всех нас найдут. Рядом ведь они совсем. Каждый день их чувствуем и, видно, мешаем.. Вот и бегут отсюда люди. А тех, кто не хочет, того мором добивают.

– Выкиньте дурные мысли из головы, и все наладится, – отшагнул от подползающего тумана Андреевский.

Всю ночь думал штабс-лекарь как лечить мор, и наутро план был готов.

– Всех умерших от заразы везти ко мне в покойническую, не важно дети, старики или животные.

– Зачем, батюшка? – Испугался возможных беспорядков городничий.

– Будем резать трупы. Надо понять, как лечить эту язву.

– Господи помилуй, виданное ли дело: резать трупы! Может, лекарства какие или заговоры помогут? Я бабу одну сильную знаю, в доме у реки живет, – предложил последнее средство городничий. Но, увидев, суровое, темное и скорбное в неверном свете свечи лицо Андреевского, взмолился об одном:

– Только никому об этом не говорите!

– Колдуны проклятые, – бормотал городничий, возвращаясь на тройке домой, – еще неизвестно, кто опаснее священный огонь или лекари эти странные.

По Челябинску поползли темные слухи, что приехавшие столичные врачи учатся воскрешать мертвых. Люди на руках несли в дом у реки умерших детей, умоляя спасти и исцелить. Солдаты на подводах везли и везли усопших, складывая их в сарай возле дома. В покойницкой трупы уже давно не помещались.

Больше 200 покойников вскрыли, изучая болезнь, Степан Семенович с Василием. Каких только язв не рассмотрелись.

– Не могу больше этого терпеть, мне кажется, я весь пропитан смертью, она осела на мне каплями как белый туман, – доктор Андреевский после рабочего дня был измучен. – И труднее всего надежда. Исцели! Спаси мертвого! Да чтобы этого не слышать, я любые магические книжки бы изучил, если бы они помогли воскрешать. Выход вижу только один. Остается умереть самому и воскреснуть, чтобы завершить начатое. Картина мне примерно ясна, остается самому заразиться и исцелиться. Ты будешь помогать.

– Ну нет, я на это никогда не соглашусь, – наотрез отказался Васька.

– Тогда я просто умру, – грустно улыбнулся ему одними глазами Андреевский, и лицо его на миг стало мягким и печальным. – Ты справишься, Василий Григорьевич. Мор должен быть побежден, и никакие духи нам не помешают.

– Да причем тут духи, батюшка, видано ли это дело, к себе добровольно болезнь занести!

– А ты меня вылечи! Я тут план лечения расписал, чем раньше начнем, тем больше шансов.

Смертельный укол с заразой, взятой еще у умершей Агафьи, Степан Семенович сделал себе сам в присутствии друга Василия и насмерть перепуганного городничего. Первые дни записи самочувствия в скорбном листе делал он самостоятельно, а потом, когда слег в горячке, ход болезни записывал Василий. А вот о том, с кем разговаривал в бреду штабс-лекарь, подлекарь никогда никому не говорил....

Андреевскому с каждым днем становилось все хуже.

Васька уже и не верил, что друг сможет поправиться. И Богу и дьяволу молился Жуковский, умоляя сохранить жизнь самоотверженному доктору.

«Как же так, он все ради людей делал, на такие жертвы пошел, себя не пожалел... Как он может умереть! Вот вправду говорят: „Не делай людям добра, не получишь зла“, – вертелось у него в голове, – Силы небесные, спасите человека самого чистого и доброго из всех, кого я встречал! Век благодарен буду! Ну помогите кто-нибудь, хоть единая душа!»

Но никто не слышал его на краю света в этом одиноком доме на берегу замерзшей реки.

Однажды, задремав у постели горячечного больного, Васька проснулся от скрежета в стекло. В полной темноте странные царапающие звуки были слишком громкими и страшными. Бесшумно в теплых вязанных шерстяных носках подошел подлекарь к окну и увидел, что в стекло бьется, царапается сильными когтями филин.

– Уу-гху, – громко ухнула птица, завидев в окне испуганного человека и жутко захохотала, взмахивая сильными крыльями и взлетая вверх по спирали.

Рядом отчаянно и безнадежно завывала собака. Ее вой подхватили другие. Васька вспотел от внезапно накатившего страха и влажной кожей почувствовал, как вдруг понесло холодом от входной двери. У косяка кто-то стоял. Приглядевшись, он увидел в лунном свете красивую девушку.

– Алия? – сразу вспомнил он странное имя из болезненного бреда Андриевского.

– Умненький, – засмеялась девушка, – нет, это маменькино имя. А я – Кадима. Старуха, что живет у речки, помнишь, городничий говорил?

– Знахарка? – начал приходить в себя Васька и потянулся к светильнику, чтобы зажечь огонь.

– Ведьма, – опять засмеялась Кадима и подошла, положив свою ледяную руку на его теплую ладонь. – Не зажигай, дедушка света не любит.

– Дедушка? – Васька только сейчас заметил дряхлого старика, сидевшего на лавке под образами.

– Здравствуй, Василий Григорич, – поздоровался старик. – Разговор есть к тебе. Садись рядышком, Кадима с больным побудет.

Васька сел, прикидывая, как зашли в избу гости. Он хорошо помнил, как запирает дверь на крюк и на засов.

– Скажи, Василий Григорьевич, как дальше жить собираешься?

– Да не думал я еще дедушко, вот победим священный огонь, да домой, наверное, вернемся.

– Неправильный ответ. Есть у меня к тебе предложение. Женись на внучке моей, Кадиме.

– Зачем это еще? На кой вам я, голодранец, нужен?

– Будешь землю эту соблюдать в чистоте. Людей и духов в разные стороны разводить. Город строить в другом направлении, чтобы люди другим существам не мешали. И дети твои станут людьми необычными, много хорошего сделают в этом мире.

Васька поглядел на Кадиму. Она улыбалась, сверкая черными глазами и белыми зубами.

– А если не женюсь?

– Умрет доктор твой еще до рассвета.

Васька задумался. А потом махнул рукой и согласился. В тот же миг морок пропал и только белый туман стелился по холодному дощатому полу.

Подлекарь подошел к печке и подкинул пару дров.

– Васенька, водички дай, – услышал он шелестящий голос.

Штабс-лекарь Андриевский открыл глаза.

Они называли болезнь сибирской язвой. А вскоре, поправившийся доктор засобирался домой. Лечение, разработанное им, было признано успешным, можно было возвращаться в Санкт-Петербург. Складывая сундуки, Васька весело насвистывал, когда в дверях появилось смешливое личико.

– Помнишь ли меня, Василий Григорьевич? – мелодично спросила девушка, сверкая слишком темными, глубокими глазами. Они как будто жили отдельно от ее красивого лица.

– Не признал, голубушка, – слегка улыбнулся Васька.

– Кадима я.

Васька открыл рот и без сил сел в открытый, наполовину заполненный вещами сундук.

– Нет такого имени!

– Ну как же нет! Башкиры знают, что Кадима означает древняя, связанная с прошлым. Но ты можешь звать меня Катюшей, если нравится.

Васька долгим взглядом посмотрел на девушку. Она как будто сверкала и переливалась как бриллиант самой чистой воды. От нее шли свет и радость, и он неожиданно сдался, поверив, что все было на самом деле.

- Неужели ты хочешь за меня замуж? – наконец проговорил он.
- А ты возьмешь? – подмигнула ему красавица.
- Возьму.

Известие о том, что ставший лекарем Жуковский остается в Челябинске всколыхнуло весь город. Долго отговаривал его от опрометчивого шага старший товарищ, но Васька был непреклонен.

- Отгуляем мою свадьбу, и езжай, – похлопал друга по плечу Жуковский.
- Свадьбу? А когда же ты невесту найти успел? – изумился Андреевский.
- В снах твоих бредовых, – засмеялся невесело Василий. И только свет, исходящий от Кадимы примирил его с этой действительностью.

В Санкт-Петербурге работу двух лекарей по борьбе с сибирской язвой отметили орденами. Андреевский, вернувшись в столицу, занимался ботаническими садами, создал медико-хирургическую академию, где многие годы проработал директором, а потом стал астраханским губернатором. А Жуковский так и остался с Челябинском. Он построил здесь больницу и вместе с Катюшей научился лучше всех лечить людей от сибирской язвы. Его звали в Уфу и в Оренбург, но уездный город не отпускал своего доктора. Катюша родила доктору пятеро детей, но выжили лишь три сына. Старший Григорий, стал боевым генералом, атаманом Оренбургского казачьего войска, а потом губернатором Новороссийской и Бессарабской губерний. Средний Иван остался с отцом в Челябинске и возглавил этот беспокойный край. Он много занимался строительством и медициной, во всем прислушиваясь к мнению отца и матери. Младший Николай уехал в столицу, стал сенатором, разбогател, но много занимался благотворительностью и никогда не терял связей с городом детства. Катюша Жуковская, к удивлению окружающих, казалось, вовсе не старилась, и лишь перед кончиной доктора внезапно и безвозвратно изменилась. Она бесследно сгинула сразу после смерти мужа.

Провожал Жуковского весь беспокойный Челябинск. Его не просто любили и уважали, он заслужил у жителей истинное благоговение. Могила его закрылась при истинных слезах всего города, люди рыдали не стыдясь друг друга, обнимаясь и искренне скорбя. Некому было больше защитить их, ушел святой человек, батюшка, спаситель... Страшную жару на похоронах разгоняли неумные ветерки.

Гришка пропал, когда его мать Маруся отправилась к знахарке известить нежелательного ребенка. Марусе иногда казалось, что она тяжелеет только лишь от дуновения ветерка. Так было с Гришкой и еще тремя ее ребятишками. Пятого ей было не выкормить. Пытаясь избавиться от беременности, она уже до обморока парилась в горячей бане, поднимала тяжести, и даже прыгала со стога, но только отбила пятки. Ребеночек отчаянно хотел жить. Тогда Маруся по совету старой ведуньи, живущей в полуразрушенном доме на берегу реки, стала пить смесь из пижмы, болотной мяты, календулы, крапивы и душицы и заливать этот настой во влагилище, но и это не помогло. Отчаявшаяся мать изо всех сил лупила кулаками по своему вздувшемуся, растянутому животу, оставляя страшные сине-желтые синяки, но желанного выкидыша все не было. Оставался последний способ. Договорившись в ведьмачкой, Маруся оставила Гришу приглядывать за младшими детьми и ушла в избушку. Она старалась не думать о том, что почувствует ее маленький, когда бабка заставит ее раздвинуть ноги и раскаленной спицей проткнет беспомощного ребенка, вызывая смерть плода и кровотечение, а потом станет вытаскивать его из утробы железным крючком. Знающие бабы говорили, что иногда младенец из чрева

матери выходил по частям: отдельно ручки с маленькими нежными пальчиками, тоненькие ножки, окровавленное тельце.

– Главное, не смотри ему в лицо, – напутствовали бабы, – может оказаться такой хорошенький, только сердце изорвешь. Всю жизнь потом сниться будет.

Она бы и рада была родить и этого, но Маруся точно знала, что ей не вырастить других детей, не убив нерождённого.

Гришка накормил свою ораву, и дети, уморившись на жаре, завалились на печь спать после обеда. Он бы тоже не отказался вздремнуть часок, но было у него одно важное дело. Он тихонечко подхватился и побежал в лес к оврагу. Там мальчишка хотел насобирать красной глины и сделать из нее сопелку. Бежать босоногомусорванцу было приятно и радостно. В мягкой пыли с ногами мальчишки играли веселые вихри. Он и сам не заметил, как забежал в молочный туман в незнакомую местность. Остановившись, оглянулся кругом. Овраг был на месте, но выглядел по-другому. Мальчик задумался и уже был готов повернуть назад, как из малинника, покрытого туманом, на него вышел медведь.

Он был совсем не страшный, этот бурый мишка, почти такой, как в сказках матери – большой и добродушный. Гришка глядел на него во все глаза, не в силах шелохнуться. Медведь тоже разглядывал мальчика. Хозяин леса был сыт и доволен. Постояв немного, он двинулся к ребенку. Мальчик протянул к нему открытую ладонь трясущейся ручонки. Мишка деловито обнюхал малыша и потерся об него головой. Гришка погладил жесткую колючую шкуру и вдруг прижался к мишке, как к своей любимой приبلудной Жучке. Медведь был горячий, как печка. Зверь лениво зевнул, обдав мальчика зловонным дыханием, и пошел в лес, оглядываясь на ребенка. Гришка, как зачарованный, потопал за ним. Ветерки и белый туман потянулись следом.

Когда Маруся потеряла сознание от боли и потери крови, старуха запрягла свою лошадь в телегу, положила на мягкое сено беременную и повезла ее в единственную в городе больницу Жуковского, благо была она недалеко. Молодую мать приняли, но шансов на ее выздоровление почти не было. Главный врач Бейвель распорядился отдать Марусиных детей на время родственникам. Вот тут и выяснилось, что старшего Марусино сына уже давно нет в избе, а малышня ревет от голода и страха. Родственников у Маруси не нашлось, и единственным человеком, кто взял на себя заботу о ребятишках, оказалась та самая ведьма, помогавшая вытравить ее пятого ребенка. Пропавшего мальчика горожане кинулись искать, но Гришка как в воду канул. И только ведьмачка сказала, что мальчик ушел с кем-то влиятельным, темным и очень сильным и тот его, похоже, съел. Ее слова всегда были немного путанные, но на этот раз были поняты горожанами буквально. В похищении и смерти мальчика обвинили молодого активного еврея, председателя городского комитета Российской социал-демократической рабочей партии Шмуля Берка Мовшев Цвиллинга. Нашлись даже свидетели, видевшие, как влиятельный еврей вел ребенка за руку к реке. А когда на берегу был найден окровавленный камень, похожий на алтарь, вина Цвиллинга была доказана. Люди требовали мести и готовы были разорвать еврейского председателя на мелкие кусочки на том же камне.

Вообще-то Шмуль Цвиллинг, которого дома звали Муля, а русские величали – Самуил был счастливчиком, хоть он и не родился с золотой ложкой во рту. Его отец был всего лишь парикмахером, а мать – красильщица поношенных вещей. Скудного заработка едва хватало

на семь душ, из которых Шмуль был самым младшим. Отец бил и бил своего многочисленное семейство, пока мать со всем выводком не сбежала от него к богатым родственникам в Омск. Там Шмуль получил образование: он учился в еврейской школе, потом в городском училище. Повезло.

Со временем старший брат стал привлекать его к революционной деятельности. Мальчик приносил прокламации, готовил состав для печати и как губка впитывал взрослые разговоры, проникаясь идеями всеобщего равенства и братства. Ему, выросшему в нищете, такие слова и лозунги казались радужной сказкой. Молодой Цвиллинг с удовольствием погрузился в революционную борьбу. Это было горячее, шухерное время. С компанией таких же молодых хулиганов Муля грабил и убивал во имя революции. Лишь однажды он дрогнул, когда в богатом омском особняке генерала Литвинова, во время экспроприации к ноге гордо застывшей матери прижался маленький перепуганный белокурый мальчик. В руке у него была игрушечная сабелка. Он плакал, предчувствуя мученическую смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.